

Ангел Богданович

Никитенко

как

представитель...

Ангел Богданович

**Никитенко как представитель
обывательской философии
приспособляемости**

«Public Domain»

1897

Богданович А. И.

Никитенко как представитель обывательской философии приспособляемости / А. И. Богданович — «Public Domain», 1897

«...Разсматриваемый и оцѣниваемый съ этой точки зрѣнія, Никитенко представляетъ характернѣйшій образецъ обывательской приспособляемости. Бюрократъ до мозга костей, цензоръ, выслужившій въ цензурѣ полный пенсіонъ, и консерваторъ чистой крови, онъ въ тиши кабинета написалъ удивительную книгу, ужаснѣйшій доносъ потомству на бюрократію, цензуру и консерватизмъ. Родился онъ въ царствованіе Александра I, пережилъ всю николаевскую эпоху, шестидесятые годы и умеръ въ концѣ 70-хъ. Кажется, довольно смѣль и направлений, и настроеній...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

А. И. Богдановичъ

Никитенко какъ представитель обывательской философіи приспособляемости

Въ августѣ исполнилось двадцать лѣтъ со дня смерти Александра Васильевича Никитенки, имя котораго если и извѣстно современному читателю, то лишь какъ автора единственной въ своемъ родѣ книги – «Дневника», озаглавленнаго авторомъ такъ: «Моя повѣсть о самомъ себѣ и о томъ, чему свидѣтель въ жизни былъ». При жизни, однако, онъ пользовался почтенной и вполне заслуженной извѣстностью, какъ хорошій профессоръ, добросовѣстной критикъ, академикъ и администраторъ. Но всѣ эти, такъ сказать, официальные стороны его дѣятельности пошли на смарку, натерлись и забылись послѣ появленія въ 80-хъ годахъ¹ его «Дневника», въ которомъ Никитенко выступаетъ въ роли несравненнаго лѣтописца своего времени. Въ немъ изумленному обществу явился новый человекъ. Сбросивъ виць-мундиръ и отложивъ въ сторону всякое мірское попеченіе, Никитенко перерождается и такъ основательно, какъ только можетъ русскій обыватель, который при исполненіи обязанностей – одно, а затѣмъ, «вымывъ руки», становится прямою противоположностью именно этимъ обязанностямъ.

Разсматриваемый и оцѣниваемый съ этой точки зрѣнія, Никитенко представляетъ характернѣйшій образецъ обывательской приспособляемости. Бюрократъ до мозга костей, цензоръ, выслужившій въ цензурѣ полный пенсіонъ, и консерваторъ чистой крови, онъ въ тиши кабинета написалъ удивительную книгу, ужаснѣйшій доносъ потомству на бюрократію, цензуру и консерватизмъ. Родился онъ въ царствованіе Александра I, пережилъ всю николаевскую эпоху, шестидесятые годы и умеръ въ концѣ 70-хъ. Кажется, довольно смѣнъ и направленій, и настроеній. Кажется, могъ человекъ хоть разъ высказаться, открыто стать «ошуйю» или «одесную», могъ, что называется, прорваться. Съ нимъ этого не случилось, онъ ко всему примѣнялся легко и свободно, съ поразительной гибкостью и даже не безъ своеобразнаго изящества. По крайней мѣрѣ, читая его «Дневникъ», эту глубокомысленную и остроумную характеристику его времени и современниковъ – и какихъ современниковъ! – читатель ни разу не испытываетъ чувства жгучей боли или стыда за автора, скорѣе, напротивъ – восхищается неуловимой дипломатіей и ловкостью, съ которою Никитенко, проскользнувъ между Сциллой и Харибдой, достигаетъ чина тайнаго совѣтника, званія академика и многихъ другихъ благъ и успокаивается на лаврахъ, правда дешевыхъ, но все же лаврахъ. «Я не принадлежу никакой партіи», замѣчаетъ Никитенко по поводу академическихъ раздоровъ, гдѣ боролись «нѣмцы» и «русскіе». «Я прежде всего принадлежу моему убѣжденію, и только», гордо заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ. И всѣ партіи ухаживали за нимъ и считали его въ своихъ рядахъ. Быть внѣ партій значить служить самому себѣ – и только, и въ этомъ искусствѣ Никитенко не знаетъ соперниковъ.

Удивительна выдержка, съ которою онъ ведетъ свою лѣтопись, систематически, ежедневно, съ глазу на глазъ съ самимъ собой изливая накопившіяся въ немъ горечь и желчь неудовольствія и раздраженія противъ тѣхъ, предъ кѣмъ приходилось ему сгибаться, кому служить, чьи молча выносить обиды, глупости и капризы. Его «Дневникъ», это – кладезь приспособляемости и мудрой житейской опытности. Онъ въ равной мѣрѣ ладитъ съ Клейнмихелемъ, Уваровымъ и Ростовцевымъ, и отъ cadaго пріемлетъ малую толику. Онъ не скрываетъ, что это ему доставалось не дешево. Онъ вѣчно заваленъ кучею дѣлъ, служить въ десяти разныхъ

¹ Въ «Русск. Старинѣ», а затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. Далѣе вездѣ цитируется это трехтомное изданіе.

учрежденіяхъ, пишетъ десятки докладныхъ записокъ, сознавая ясно все ничтожество этихъ занятій, все ихъ бесплодіе и ненужность. Эта работа уподобляетъ его «каторжнику», какъ онъ съ горечью жалуется неоднократно. Въ то же время его влечетъ совсѣмъ въ иную сторону. «У всякаго общественнаго дѣятеля, – пишетъ онъ, – свои элементы силы, посредствомъ которыхъ онъ достигаетъ желаемыхъ результатовъ. Элементами моей силы я считаю: мысль и слово, а не эрудицію. Мое естественное влеченіе обратить кафедру въ трибуну» (Т. I, 418). А между тѣмъ, этотъ «трибунъ» – цензоръ. Трудно придумать болѣе роковое «стеченіе обстоятельствъ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.